

III

Вдруг дошли слухи (через все того же друга отца в Бате) о некоторых высказываниях ее жениха в кругу общих знакомых... О том, что он, Хамфри Гоулд, считает свое сватовство к мисс Филлис Гроув выясненным лишь наполовину и что ввиду его вынужденно долгого пребывания возле больного отца он не совсем уверен во времени, которое может оказаться слишком долгим для того, чтобы это *полусватовство* (так будто бы он выразился) привело к бракосочетанию.

Сначала это сообщение ввергло мистера Гроува в замешательство! Он даже посоветовался с дочерью, стоит ли написать жениху, потребовать объяснения... Но потом опомнился, что называет-

ся, взял себя в руки. И заявил, что слухи о столь неджентльменских высказываниях ее жениха, мистера Гоулда, — одни выдумки и что он раскаивается в том, что показал ей это письмо из Бата.

И еще — что он сам, Гроув, хотя и не был им представлен, знал Гоулдов с детства. Ведь не только их соседи-помещики, джентри, но и все в округе в течение нескольких поколений уверились, что если традицию этого семейства при выборе невесты или жениха выразить пословицей, то вот она: «Не люби сильно, да люби долго»... И что она должна усвоить эту традицию Гоулдов, так как войдет в их семью. В семью джентри! То есть — запастись терпением... И не верить досужим вымыслам. А главное, быть верной своему слову.

Что же... Он, мистер Гроув, в этом отношении (что касалось чувства долга и верности сво-

ему слову) был джентльменом. И, как мы еще увидим впоследствии, в этом же духе воспитал свою дочь.

Однако именно теперь она уже не могла не поверить таким слухам... Ибо это сообщение согласовывалось с отсутствием хотя бы какой-то теплоты в письмах того, с кем была помолвлена уже почти год. А потому — перестала сдерживать в себе симпатию к Маттеусу.

Хотя... И это, пожалуй, было самое странное, не уясненное ею даже для себя: хотя она была далека от того, чтобы видеть в нем настоящего, по жизни, спутника, то есть мужа. Этот молодой иностранец был для нее каким-то идеальным существом — и однажды даже она увидела его во сне на том месте, на каком когда-то вообразила джентльменом тисовое дерево. После чего на другой вечер, когда Маттеус не нашел английских слов для выражения своего чувства, Филлис позволила ему объясниться без слов... Это случилось, когда тревожно, в сумерках, прозвучал горн, призывающий солдат в палатки: она, как всегда, протянула ему руку для прощания — и не отняла руки, хотя он ощекотал ее усами.

Впрочем, уж разумеется, позволить ему такое смогла она лишь в сумерках (на свидания, по ее просьбе, стал он приходить вечером, в свободный перед отходом ко сну час: боялась, что днем заметит его кто-нибудь из деревенских).

...Вот, позволила — и вдруг выдернула из его рук свою:

— Боже мой! Ограда-то белая...

Ну да, так, ограда из местного камня была куда светлее его гусарской формы.

Но... в сумерках, из-за ограды, спокойно, улыбочиво прозвучал голос Маттеуса:

— Не бойтесь! С этой стороны увидеть меня могут только из лагеря. Да и кому я там, в лагере, нужен...

...И так долго в этот вечер не мог он от нее уйти, что едва успел вовремя попасть в лагерь.

Зато в следующий его приход... на него, капрала Йоркского полка, напал возле этой ограды столбняк...

Да, вот уже полчаса... Час уже целый... Стоял он будто в столбняке! Стоял — в отчаянии: она, Филлис, все не приходила... Уже позвал в лагерь горн, затем, еле слышно отсюда, призвал ко сну барабан — редкие, все более редкие, замирающие удары...

А он все был тут.

Филлис задержал отец. Припоздал к ужину. Но еще прежде, чем она стала ему разогревать, попросил его выслушать... Оказалось, что он был у пастора, советовался о поведении ее жениха...

И он, отец — с торжеством от своего провидения! — сообщил, что священник тоже не верит в легкомыслие мистера Гоулда, не верит по той же причине: нельзя ожидать от кого-либо из Гоулдов ничего подобного, они все — джентльмены! Они — джентри!..

Так что к месту своих встреч с Маттеусом Филлис пришла, уже не ожидая его увидеть. Просто... после такого разговора... после разговора о своем женихе захотелось ей обо всем подумать, побыть одной, и именно здесь... А увидев, совсем не обрадовалась:

— Я не могла... Не могла прийти раньше! Расскажу завтра. А вы?.. Почему вы все еще здесь? Маттеус, скорее бегите в лагерь. Умоляю вас!

— Ну нет!.. — Маттеус снял свою громадную гусарскую шляпу и припал губами к протянутой ему через ограду руке. — Я не уйду в ту минуту, когда вы пришли. Я весь день думал о том, что... Я увижу вас!

— Но вы можете попасть в немилость!

— Мне это все равно. Для меня важнее... и дороже... одна минута с вами, чем все остальное во всем мире! Нет, еще... Там, в Саарбрюккене... Mutter! Она, матушка, там, а вы, meine Geliebte¹, — здесь! И, кроме вас двоих, нет у меня никакой другой жизни.

Маттеус вдруг повеселел и — явно чтобы она отвлеклась от тревоги за него — стал рассказывать разные подробности своей жизни в отечестве; особенно занимательными были приключения его детства. Впрочем, нет, интересно было все, что только ни рассказывал ей этот симпатичный, все более овладевающий ее сердцем человек...

А в следующее их свидание Филлис не увидела на рукавах его мундира нашивок. Да, за опоздание... Больше он не капрал. Но это условно: приказа по полку не было.

— Но для меня это не боль... — как ни в чем не бывало, так же весело, хотя и памятно все время сдерживая свой голос, продолжал

---

¹ Любимая моя.

он. — Я нашел лекарство против всего, что бы ни случилось... Вы — самое мое лучшее лекарство!

И впрямь, его это временное возвращение в рядовые, кажется, нисколько не взволновало; он все шутил, смеялся... Даже таки заставил ее улыбнуться — и в сумерках если не разглядел — услышал ее... Говорящей ему была эта ее улыбка!

Как вдруг Маттеус замолчал...

И теперь уже она, не разглядев тоже, как изменилось выражение его лица — и она, Филлис, в этом его неожиданном молчании, услышала его... Его тревогу! Хотя — он будто запечатал себя ее пальцами.

И она, Филлис, еще не осознав, почувствовала то, что он сейчас скажет. То, о чем все еще не хотелось ей думать... Даже и после того, как тогда — позволила ему поцеловать руку.

Наконец, отняв ее руку от губ и удерживая теперь ее меж ладоней, он сказал... И — как сказал!

— Вот только... Неужели мне понадобится лекарство и от любви? От любви к вам, Филлис! Ведь за меня, хотя бы и с этими нашивками капрала... Разве отец ваш... Разве он вам позволит выйти замуж за гусара? И к тому же — не англичанина.

...Дойдя до этого места своего рассказа, мисс Гроув, наверное, сама почувствовала, как она покраснела.

И она, мисс Гроув, вздохнула. Даже, кто знает, вздохнула она сейчас куда горше, чем тогда, когда джентльмен у ворот оказался всего лишь тисовым деревцем.

Но... В тот вечер, с Маттеусом, она, Филлис, собралась с силами и — ответила как есть... Наверное, решила на эти слова в таком же отчаянии, в каком ее отец спускался на землю с небес своих мечтаний...

— Да! — еле выговорила она. — Об этом нечего и думать: отец — не позволит... Да, Маттеус! Дорогой мой друг, забудьте меня, прошу вас! Кажется... Да, это так: я гублю все ваше будущее. Я поняла... Я поняла только теперь: раз счастье наше невозможно, то вы... Чем больше вы будете... совсем напрасно... любить меня, тем больше будете ненавидеть всю остальную Англию!

— Это не совсем так!.. — воскликнул Маттеус. — Только благодаря вам я... сколько-нибудь

и примирился с этой страной. Ах, если бы моя милая отчизна и моя дорогая матушка... Если бы они были тут, с нами. Но этого нет! И вот я реш...

Да, так: он, Маттеус, остановил себя на полуслове... Будто он, гусар, осадил своего коня перед самым барьером!

И явно не решался он продолжать... Вдруг то, что он сейчас предложит Филлис, испугает ее?..

А она, тоже сейчас опомнившаяся — как будто она не знала раньше об этом препятствии их любви, просто не хотела об этом думать, — она все-таки спросила:

— Что ты мне хотел сказать, Маттеус?..

Но как раз этот ее вопрос, эта (какая-то!) услышанная им в ее голосе надежда обнадежила и солдата...

— Филлис, милая, — заговорил он, — мы с моим другом уже все обдумали, но я все не решался сказать вам. Так вот. Вам, Филлис, известно, что я не ганноверец. Хотя почти все в полку уроженцы курфюршества Ганновер тоже мечтают о родной немецкой земле. Но они связаны долгом перед своим государством — перед союзным Англии, даже родственным короне вашего короля Ганновером. А меня... Меня ганноверские вербовщики знаете как завербовали?.. Ну да, здесь, в полку, хвалят меня офицеры за то, что никогда я не бываю пьян. Но это я такой после того, как тогда завербовали меня...

Маттеус вздохнул — и вдруг выдохнул так, будто, решив все о себе объяснить, решался теперь на совсем, совсем другую жизнь!

— Спросите: почему я в Легионе — не из Ганновера?.. Для пополнения любимого вашим королем Немецкого легиона собственно ганноверцев не хватает, так вербуют в него немцев по всей Германии. Вербуют и так...

Выговорив о себе такое, вдруг он, Маттеус, будто узнал себя другим человеком! И голос его... Теперь это был голос мужчины, ответственного не только за себя...

— И вот, Филлис, мы с Христофом... Это мой друг, он родом с Эльзаса... Мы решили бежать! И я, Филлис, мечтаю, что вы отправитесь вместе со мной. На мою родину! Там мы и повенчаемся. Ведь так уж повелось, Филлис, что жена должна жить в доме своего мужа. Да, Филлис, в моем родном Саарбрюккене, в Германии! Это столица Саарского графства. Государства, совсем не связанного с Англией никакими договорами. Так что... Стоит мне добраться до Саарбрюккена — и я свободен!

— А море... О нем вы забыли? — Филлис даже перестала тянуть к себе руку (Маттеус не отпустил...). То есть да, это уже спросила как бы и не она, Филлис, не воспитанная в строгости отношений с мужчинами мисс Гроув, а та, кто вдруг, словно утопающий — за соломинку, схватилась за какую-то еще возможность не потерять любимого человека... Думать определенно она сейчас не могла.

Между тем ее положение в отцовском доме становилось невыносимым. Поскольку отец свою преданность *Небесному промыслу*, свое право в глазах Господа на *спасение души* хотя и решил теперь заслужить устройством счастья своей дочери на земле, однако он понимал ее счастье в согласии с тем установлением, которое, возможно, сам же и внес в семейные правила Гоулдов... Мол, люби пусть не сильно, да долго.

Но ведь уже не раз она слышала, как прихожане, расходясь после службы в их деревенской церкви, обменивались мнениями о ее женихе, Хамфри Гоулде... И даже нарочно однажды разговаривали так громко, чтобы она услышала, как ее они называли — соломенная невеста! Вот и эта женщина, которая приходила к ним помогать по хозяйству, миссис Брук, откровенно (разумеется, не при хозяине) удивлялась ее, мисс, долготерпению при столь странном поведении того, кто собирался стать ее мужем.

— А только... — сказала Филлис сейчас. — Как же туда, на вашу родину, через море?

То есть о море вопрос свой она повторила. Но тотчас, чтобы он не понял этот ее вопрос как ее согласие, хотя и с надеждой, предположила:

— Может быть, — предположила она, — вы, Маттеус, хотите откупить свою отставку?

— Нет... — он покачал головой. — Таких денег у меня нет. Ведь в таком случае по договору надо уплатить вдвое. А я прослужил еще меньше половины срока. Но раз я попал сюда против своей воли, почему же мне не бежать?.. Подходит время, когда ваш король кончает свои морские купания — и мы тоже снимаемся с лагеря. Так что, Филлис, может случиться, что еще одно наше свидание — и мы больше не увидимся. Никогда больше, Филлис! Никогда! Такое я не могу себе даже представить.

Выговорив такое, Маттеус даже было умолк: наверное, все же он попытался представить себя без нее!

Так ведь уже и она — тоже!

— Так вот... — уже решительно продолжил он. — Завтра, когда стемнеет, Христоф отвяжет в гавани лодку, обогнет этот вот мыс — и мы с вами будем его ждать... Вон там, в маленькой бухте. Парус поднимем уже подальше от берега. И утром — уже утром, Филлис! — мы на французском берегу, близ Шербурга. Дальше все просто... Нам сообщили селение и имя француза, который за определенную плату эту нашу красоту... — и Маттеус более красноречиво, чем если бы он выразил свое отношение в словах, скользнул взглядом по своему мундиру, — обменяет на обычную одежду. А я уже обменял все, что скопил, на золотые соверены. Ведь я за два года службы почти ничего из жалования не истратил. Так что денег нам хватит до самого Саара. Пока же... Завтра, Филлис, как только стемнеет, вы дойдете до большой дороги... Ждите меня там. Что?.. Ваша рука... Филлис, вы дрожите! Что вы?.. Не бойтесь, *meine Geliebte*, все пройдет хорошо!

— А главное... — голос Маттеуса стал вдруг не просто серьезным — требовательным. — Главное... — серьезно и требовательно сказал он, — не допускайте в голову мыслей о какой-то... будто бы греховности ухода из родительского дома. Наоборот! Как велел вам сказать Христоф... мой лучший друг и наш с вами верный попутчик, он, конечно, все о нас с вами знает... Он вам велел сказать: «Вы, Филлис, направитесь в дом вашего мужа — и, значит, в свой дом!» Да, кстати... Христоф уже и карту приобрел: на ней, как на ладони, со всеми его островами... весь Ла-Манш! Или, как вы, англичане, называете этот морской пролив — *Английский канал*... Все будет хорошо, Филлис, вот увидите... Все будет хорошо, *meine Geliebte*!

Увы, не все потом оказалось хорошо... Но всю долгую свою жизнь Филлис оставалась в убеждении, что Маттеус был самый честный, самый порядочный мужчина на свете... Хотя нельзя здесь и не сказать, что ни она, ни он сам даже не подозревали, что был он в тот вечер на самом верном пути обольщения... Когда обольститель говорит и действует так, как будто она уже согласна на все. Потому что он, ее верный друг, все берет на себя... Потому что она, женщина, может она на него во всем положиться!

И Филлис не отпрянула сейчас, нет, она поднялась на носки... Когда он, такой сильный и ловкий, вдруг подпрыгнул и облокотившись об ограду, поцеловал ее.

...Долгим, долгим был этот их поцелуй.

Наконец она с носков опустилась. И Маттеус сказал твердо:

— Итак, до завтра, моя дорогая! Жду на перекрестке дорог.

И все-таки... все-таки... Кто знает (а ведь женщина знает себя меньше, чем мужчина), как бы еще она, Филлис, себя повела: не слишком ли, по размышлению, грандиозным показался бы ей — совершенно обыкновенной, даже в мечтах своих робкой девушке, — этот план чужестранца?

Если бы не отец...

— ...Ну, как дела с йоркскими гусарами? — спросил он.

Она ответила вполне правдиво:

— Насколько я поняла из разговора с миссис Брук, они начинают готовиться к отъезду.

— Ах, мисс Гроув, я уже знаю, на каком месте в нашем саду пришли вы к этому заключению.

Обычно, по примерам из жизни джентльменов, мистер Гроув обращался к дочери на «вы», и лишь иногда, когда поведение ее, на его взгляд, было ошибочным, забывал об этой традиции лучших семейств. Вот и сейчас...

— А когда ты прыгивала к нему с огады... Наверное, тебя подхватывали на руки? Какая фривольность. Тебя видели! Видели, как гуляла ты под луной с немцем-гусаром! С одним из этих варваров, которые ничем не лучше самих французов. Не перебивай меня, прошу выслушать, что говорит отец... Так вот. Я напишу сестре, твоей тетушке, что ты к ней приедешь. И ты будешь оставаться у нее до тех пор, пока король не окончит здесь свои купания и эти его гусары не отправятся вслед за его величеством.

Напрасно уверяла Филлис (и ведь совершенно правдиво), что не только в подлунный час — никогда она не прогуливалась вне их сада с мужчиной. А только с ним одним, с отцом.

...В доме тетки, ставшей вдовой почти в то же время, как умерла мать Филлис (тогда-то, для экономии в хозяйстве, и переехал отец к своей сестре), прошло почти все ее детство. И таким оно было невеселым при деспотическом характере хозяйки дома, что перспектива опять оказаться в этой тюрьме ужаснула Филлис.

Так что — хотя она в любом случае пришла бы на место, назначенное Маттеусом, даже если бы и раздумала пускаться с ним в это во всех отношениях рискованное предприятие (не смогла бы

не прийти на последнее в ее жизни свидание с любимым человеком), — теперь, после такого решения отца, она тотчас начала собирать узелок... И легла раньше обычного, и постаралась заснуть. Ведь следующую ночь предстояло ей бодрствовать в море — и вовсе даже не на корабле... А потому (она, Филлис, это понимала) надо было запастись силами.

IV

То есть тот свой последний (как она думала) день в отцовском доме провела она в полной решимости... Хотя и не могла также не испытывать грусти от сознания того, что с отцом, быть может, расстанется навсегда.

А отец, уже отправив сестре письмо, сказал:

— Пожалуй, надо дожидаться ответа... Помнится, Филлис, отношения у вас с вашей тетушкой сложились не самые хорошие. Принять племянницу она, конечно, не откажется, но сразу же спросит: дождалась ли мы ее ответа или нет? Иначе говоря, по приглашению ли вы приехали.

Он, мистер Гроув, в этот день что-то загрустил... И даже, узрев дочь на садовой стене (Филлис, чтобы хорошенько рассмотреть остров Сент-Альдхельм, мимо которого предстояло им с Маттеусом и его другом проплыть ночью, встала на стене в полный рост), ни слова не говоря, помог ей поскорее со стены слезть... Правда, потом не разговаривал с ней весь день, лишь поблагодарил (как всегда) за ее хлопоты с разогреванием обеда, а также вечером, уходя в свою спальню раньше обычного, пожелал ей спокойной ночи.

И тогда, немного подождав (всплакнув и услышав первые всхрапывания из отцовской спальни), Филлис отправилась...

В мантилье, с узелком... в последнюю минуту вспомнила о теплом платке на голову... в час, когда лампы еще горели во всех домах и поэтому ничего нельзя было увидеть из окон, Филлис легкой походкой миновала деревню, затем меж двух едва угадываемых в первом свете луны стен кустарника дошла до большой дороги... Как раз в это время луна налилась в полную силу, и Филлис подумала, что товарищ Маттеуса уже, наверное, должен обогнуть на лодке Сторожевой мыс. Этот мыс такой высокий, что лунная от него тень, как сказал Маттеус, падает теперь на всю гавань... И Христоф

должен успеть его обогнуть до того, как луна поднимется выше.

На всякий случай и она, Филлис, спряталась в тени густого, огораживающего пшеничное поле терновника.

Теперь, когда ходьба уже не отвлекала, нетерпение охватило ее... Вот-вот должны раздаться шаги Маттеуса.

Но вместо них послышалось совсем другое...

Ах да, в это время — омнибус! Так что пришлось ждать, когда он проедет.

Впрочем, хотя и хотелось ей, чтобы омнибус проехал здесь поскорее, не могла она не вспомнить, какой крутой видела здесь дорогу днем, в то время как лошадей сейчас, судя по топоту и колесному шуму, почти не удерживали. Наверное, правит слишком молодой человек: разгон экипажа такой, что, пожалуй, — до самых королевских купален...

Как вдруг — окрик!.. Карета остановилась. И как точно! На самом перекрестке дорог, большой и деревенской. Всего в каких-нибудь двух десятках шагов от нее.

Вышли двое; дорожный баул одного пассажира (его фигура показалась Филлис знакомой) был намного больше, чем у другого.

Карета покатила дальше, а Филлис, взглядевшись в человека с большим баулом пристальнее (все-таки луна не солнце), так вся и застыла...

— Никого! Где же ваш деревенский почтальон? — воскликнул Хамфри Гоулд. — Неужели он подумал, что не будет с омнибуса ни писем, ни пассажиров...

На что его спутник, наоборот, отвечал со спокойствием, вообще присущим жителям этой деревни:

— Сейчас подъедет. Просто мы приехали раньше, этот парень гнал по-сумасшедшему. Да, я забыл вас, мистер Гоулд, спросить... А подарок для невесты?.. Раз уж вы решили — и правильно сделали! — не верить тому, кто вам написал об этом гусаре... Подарок вы привезли? У нас в деревне так принято.

— Подарок для мисс Гроув? О да! И она его заслужила. Слишком я занялся в городе своими делами — мог бы приехать и пораньше. А что касается... Нет, этого быть не может, чтобы мисс Гроув была именно такая, как мне написали... Ее отец, мистер Гроув, человек из общества, о нем хорошего мнения и мой отец. И она сама, как я понял, девушка с достаточным соображением... Чтобы, будучи невестой человека из семьи, наде-

юсь, уважаемой во всей этой местности, путаться с каким-то ганноверским солдатом... Я не хочу в это верить!

Спутник Гоулда согласился, стал высказывать свое совершенно лестное мнение о беспорочности дочери доктора Гроува.

...Подъехал деревенский почтальон, мистер Гоулд и его спутник, положив на повозку багаж, уселись в ней... Сонный почтальон дернул вожжи, взбудрил столь же сонную лошадь каким-то громким словом... Повозка тронулась.

А она, Филлис, потрясенная, оставаясь в тени кустарника, все смотрела и смотрела напряженными, совсем сейчас не видящими глазами... Этот нечаянно подслушанный разговор вдруг осветил ей всю чудовищность ее поведения!

Конечно, Филлис знала, что полюбила, что позволила себе полюбить другого только потому, что поверила всем этим слухам, которые представили мистера Гоулда обманщиком. В то время как он, именно он, Хамфри Гоулд, не поверил никаким толкам о ее встречах с каким-то мужчиной... Не поверил в то, что — о, ужас! — было на самом деле.

Повозка почтальона грохотала уже далеко, а она все стояла на том же месте, за высоким густым терновником.

...И такая густая это была тень, в которой она сейчас стояла! Вот... Всегда так: чем ярче луна, тем чернее от всего тень... Совсем как в людской жизни. И она, Филлис, теперь даже боялась выйти из этой тени, боялась яркого, разоблачающего света.

...Да, это он, Хамфри, сохранил доверие к своей невесте! А не она, Филлис, к своему жениху. И как трогательна эта заботливость, с какою он вез, наверное, в этом большом бауле подарок. Ей, своей невесте, подарок...

Нет, нет! Она, Филлис, должна сдерживать обещание. Пусть ее уважение к мужу заменит место ее любви. Отец был прав, когда напомнил ей об этой их, Гоулдов, семейной традиции: супружеский долг, уважение друг к другу должны стать выше любого другого чувства. Особенно же когда любовь к другому явилась уже после того, как слово было дано первому.

Она... останется! Выйдет за Хамфри Гоулда. Отец прав: достоинство превыше всего!

Что ж, надо понять... Именно так ее, Филлис, воспитал отец, мистер Гроув, ревностный прихожанин церкви. Да и то сказать: у всякой ли девушки на ее месте хватило бы сейчас храбрости... Храбро-

сти, которой, говорят, не хватило в самый ответственный момент даже одной из цариц египетских¹.

...Да, она, Филлис, останется... Да, будет терпеливо страдать. Но — останется верной своему слову!

Так она, Филлис, уверяла теперь себя... Собираясь с духом, готовясь к тому, чтобы повести себя твердо, когда увидит Маттеуса. Да, сейчас... Вот он! Как легко перепрыгнул он полевую калитку! Вышел на дорогу. И она... Она тоже... Вышла ему навстречу. Вышла (она, Филлис, это осознала) — навстречу своему позору! И — своей любви.

А он, Маттеус, так прижал ее к себе!..

«Это в первый и последний раз... — с отчаянием говорила себе Филлис, будучи в объятиях возлюбленного. — Да, надо ему сказать... Надо!»

...И здесь, может быть, Маттеус сделал ошибку как мужчина. Если бы он, когда она сказала ему о своем решении остаться, оставил ее в своих объятиях и стал бы убеждать во имя их любви!

Но как раз это оказалось в нем внове... То, каким он оказался внимательным к ее решению. Несмотря на то, что он, Маттеус (это она ощущала всем своим существом), действительно любил ее (о том, что как раз этого... мужского... не чувствовала она в своем женихе, в Хамфри Гоулде, Филлис раньше не думала).

Нет, никто еще так не уважал ее, как он, Маттеус, — и в такой-то час!

...Так что потом, когда Маттеус, пройдя вдоль живой изгороди, повернул к калитке в поле (лодка, наверное, уже подплыла к берегу, и ему надо было спешить), она, Филлис, чуть было не побежала... Чтобы бежать с ним вместе.

Но это уже было потом... Сначала же она все не отпускала его, вела себя (в чем потом призналась даже мне) очень странно: сама уже твердо решила сдержать слово, данное своему оказавшемуся верным слову жениху... И его же, Маттеуса, умоляла остаться!

Но ведь и он, Маттеус, тоже должен был остаться верным своему слову. И даже, оказывается, от исполнения им своего слова зависел теперь не только его друг Христоф, но и еще двое солдат из их палатки: они родом были из Ганновера, но тоже решили бежать... И как только наступило свободное перед отходом ко сну время, все они, все четверо из их палатки, скрылись из лагеря: трое направились в гавань, за лодкой, а он, Маттеус, должен был быть в этой бухте. Хотя бы, оказывается, и без нее.

И теперь, после всего... Когда, наконец попросившись с Маттеусом, Филлис в слезах возвращалась домой и услышала из лагеря редкие, все более редкие удары в барабан... эти звуки уже не взволновали ее. Теперь лагерь гусар для нее уже не существовал. Был мертв, как ассирийский лагерь... Когда над ним пролетел Ангел смерти...²

Несмотря на проявленную Филлис решимость, с какой она возвратилась к исполнению своего долга невесты (по возвращении домой первым делом уничтожила оставленное отцу прощальное письмо), тоска долго не давала ей заснуть. И на другой день вышла она из спальни довольно поздно.

А отец, видимо, едва удерживал себя, чтобы не разбудить...

— Мистер Гоулд приехал! — торжественно сообщил он.

Прежде всего, конечно, мистер Гроув был рад за дочь, но также был сейчас преисполнен гордости за себя... Что он все это время не терял веры в живучесть лучших традиций уважаемого семейства Гоулдов!

Оказалось, жених уже приходил... Он остановился в деревенской гостинице и обещал прийти через два часа.

— Мистер Гоулд привез невесте замечательный подарок!.. — все так же высокопарно сообщил отец. И передал ей зеркало.

При этом он, ее отец, видимо, слишком сейчас преисполнен был гордости за себя, за свое терпение и веру в их с дочерью лучшее будущее, чтобы

¹Цариц египетских было несколько, из них три носили имя Клеопатра. Автор имеет в виду Клеопатру — последнего монарха в эллинистической династии Птолемеев (69–30 годы до н. э.). Полководцев враждебных армий эта Клеопатра побеждала своей красотой (Юлия Цезаря, Марка Антония...). В последней войне Египта с Римом участвовала в морском сражении, предстала перед врагами на самом видном месте корабля, но сражение началось — и она на своем корабле обратилась в бегство, увлекая за собой весь египетский флот.

²Имя Ангела смерти в Евангелии — Аваддон (губитель), однако аналогия автора относится, по-видимому, к одному из эпизодов Старого Завета... В Четвертой книге Царств (19:35) читаем о судьбе лагеря: «И случилось в ту ночь: пошел Ангел Господень и поразил в стане Ассирийском сто восемьдесят пять тысяч. И встали поутру, и вот все тела мертвые».

заметить странность ее спокойствия — и при общении о приезде ее жениха, и при виде такого подарка...

Хотя зеркало было действительно замечательное! Любая девушка в деревне позавидовала бы такому... Большое — так что можно было посмотреть по грудь, — в чудесной, из накладного серебра, рамке...

Филлис вгляделась в себя и поняла, что лицо, а главное, глаза... Нет, нельзя, чтобы она была такой печальной. Она же — невеста!

И опять она, Филлис, надела мантилью... Отец всегда, когда они с ним собирались в церковь или на прогулку, напоминал ей надеть ее:

все-таки она не простая деревенская девушка, а дочь доктора.

Как она собиралась на этот раз? Так, как обычно собираемся мы, когда решаемся на путь, предназначенный обязанностью, долгом, соображением... Господи!.. Какие только не придумали люди «соображения», чтобы забыть о велениях сердца.

И когда он, Хамфри Гоулд, ее жених, пришел (ровно через два часа, минута в минуту!), Филлис уже поджидала его у калитки.

Окончание следует.

Перевод с английского Юрия Сенчулова

О переводчике. Юрий Сенчулов после окончания Литературного института и до своего шестидесятилетия — литературный редактор в издательстве «Художественная литература», в редакциях журналов «Огонек», «Октябрь». Его переводы и статьи — в составленных им собраниях сочинений иностранных писателей. Пишет и для детей.

